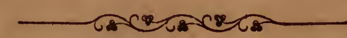

THE LIBRARY OF CONGRESS


THE LIBRARY OF CONGRESS

СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

№ 1.



ВИЛЬНА.
Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ въ зданіи Гимназіи противу Губернскаго Правленія.

1868



СБОРНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ

И

ИСТОРИЧЕСКИХЪ

СТАТЕЙ.

№ 1.



ВИЛЬНА.
Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ въ зданіи Гимназіи противу Губернскаго Правленія.

1868.

Дозволено цензурою. 18-го января 1868 года. Вильна.

РАКИТА.

—

Въ Глуховскомъ уѣздѣ, на самой границѣ Орловской и Черниговской губерній, стоитъ, надъ большой дорогой, одинокая ракита.... Проѣзжіе крестьяне смотрятъ на нее съ умиленіемъ и страхомъ, иной даже мимоходомъ снимаетъ шапку и крестится. Ракита эта полита невинною кровью, оттого она и шумитъ такъ, сказалъ ямщикъ, котораго я спросилъ, отчего онъ, глядя на нее, перекрестился:—эта ракита выдала душегубца, услышавъ плачъ праведнаго, и сотворила безсловесный судъ!»

«Наши орловскіе мужики, продолжалъ ямщикъ:—ходятъ подъ Глуховъ на работу: жнутъ, молотятъ, косятъ. Временемъ бываютъ у нихъ заработки хорошіе; а какъ иному не задастся, либо кто больно обрадуется вольному вину, которое тамъ дешево, тотъ придетъ ни съ чѣмъ. А ни съ чѣмъ-то притти досадно. Вотъ инаго зависть-то и мучитъ; а одного, вишь, и грѣхъ попуталъ.

На селѣ у насъ были два парня, оба хорошіе ребята, а ужъ одинъ, Андрей, душа—человѣкъ. И работящій, и смышленный, не то чтобы развѣсивъ уши ходилъ, и работа у него подъ руками горитъ; подушныя уплачивалъ всѣ сполна, хоть и было ему тяжеленько: три души на нихъ, а все малый да старый, и работникъ онъ одинъ. Другой, Филиппъ—такъ бы ничего себѣ, парень здоровый, и коса изъ рукъ не валилась, да мотоватъ маленько, и ужъ мы всѣ его знали, что куда охочъ былъ погулять: ничего не пожалѣетъ, а и пуще того, коли гдѣ замѣшаются дѣвки.

Вотъ Филиппъ-то и ходилъ одно лѣто на заработки къ сосѣдямъ нашимъ, къ хохламъ, да и воротился, какъ пошелъ, въ лаптяхъ да въ запунишкѣ, а за пазухой ничего.

Вотъ ужъ онъ тутъ какъ ни придумывалъ, какъ ни отпирался дома, а ужъ извѣстно, этихъ концовъ не схоронишь: знать было по всему да и слухи прошли послѣ объ этомъ, что просто гулялъ да и прогулялъ все. Старику стало не подъ силу, его за подушное потянули на расправку, а сынъ-то гляди да казнись.

На другое лѣто Филиппъ опять пошелъ на работу съ косой, а отецъ крѣпко ему наказывалъ, чтобъ приносилъ деньги сполна, не то бѣда ему будетъ; не стану, говоритъ, больше за тебя отвѣчать, самъ тогда ступай въ волость и раздѣлывайся. Теперь я послѣднюю корову продалъ—на меня не надѣйся; а ты учись да казнись, глядя на Андрея: тотъ всю семью кормитъ и оплачиваетъ, а ты что? Иди же съ Богомъ съ нимъ вмѣстѣ, да смотри, чтобъ принесъ ты не меньше его!

Ни въ первый разъ упрекали Филиппа Андреемъ, и ему это было досадно. Собрались они вдвоемъ и пошли вмѣстѣ, и отецъ Филиппа еще таки проситъ Андрея и въ поясъ ему кланяется: сдѣлай милость, братецъ, побереги у меня сына, да не давай ему гулять; вотъ тебѣ, при добрыхъ, стороннихъ людяхъ,всю отцовскую власть надъ нимъ отдаю въ руки: бей его, учи его да, пожалуста, держи въ рукахъ, чтобъ не моталъ.

Пошли. Извѣстное дѣло, что жъ одинъ молодой парень сдѣлаетъ надъ другимъ, хоть бы вотъ и въ глазахъ его сталъ дурить? Ну, скажетъ ему разъ, другой—добро послушается, а нѣтъ, такъ что онъ надъ нимъ сдѣлаетъ?

Андрей скоро нашелъ себѣ работу, да тутъ и остался; его ужъ знали въ околоткѣ тамъ, что эдакаго косца поискать. Филиппъ пошелъ дальше въ сторону, какъ говорилъ, къ знакомому хозяину, а по пути думалъ еще собрать койкакіе должишки: а онъ, какъ лѣтось загулялъ да растрясъ всѣ денежки, такъ и въ займы давалъ, а о томъ не думалъ, каково будетъ собирать ихъ; берутъ руками, отдаютъ ногами.

Прошло лѣто, кончилось покосы, пора и домой. Вотъ Андрей только что сталъ собираться, глядь, и Филиппъ тутъ.

— Здравствуй, братъ!

— Здорово.

— Что, какъ живешь?

— Ничего, слава Богу; ну, а ты?

— Да и я тоже,—и замолчалъ.

А у него такое тоже, что нѣтъ опять ни гроша. Заработалъ ли, нѣтъ ли, а за воротъ спустилъ довольно; а тамъ полъ-лѣта прошатался по жидамъ, долги собиралъ— одного не собралъ, другое растерялъ, и остался ни съ чѣмъ.

На прощанье хозяинъ Андрея накормилъ ихъ обоихъ, по тамошнему, и вина поставилъ. Одинъ не пьетъ, такъ другой не прольетъ. Поѣли, встали, помолились, поблагодарили хозяевъ и пошли въ путь.

Вотъ Андрей и сталъ говорить, что-де домой придемъ, денегъ принесемъ, подушное уплатимъ, да съ Богомъ и женимся: пора. И взяла тутъ кручина Филиппа, и сталъ онъ спрашивать Андрея, по правдѣ, сколько денегъ онъ принесетъ домой.

— Сотенку принесу.

— Вправду такъ?

— Да какже не вправду, коли она вотъ у меня, тутъ бумажникъ на гайтанѣ; а у тебя много ли?

— Чего, братъ, много ли, и всего-то цѣлковыхъ съ два остались; да и тѣ, видно, на грѣхъ уцѣлѣли.

— Какъ такъ, Филиппъ?

— Да такъ; больше нѣтъ, а и этихъ, видно, беречь некуда; ими дѣла не управишь. Жиды обманули, должка не заплатили; и хозяинъ, говоритъ, не отдалъ денегъ, велѣлъ на тотъ годъ опять приходить; а тамъ работы не нашелъ, да еще нездоровилось что-то....

— Эхъ, братъ Филя, видно, самъ ты себя обманываешь, а не жиды. Плохо же, братъ, дѣло наше. Что теперь отецъ твой скажетъ, а что скажутъ въ волости, и что всѣ добрые люди? А подушное-то кто заплатитъ? Опять за тебя отца на расправу потянутъ.... плохо, братъ!

— Ужъ не зимовать же мнѣ тутъ, сказалъ Филиппъ:— не миновать того, что домой итти. Что будетъ, то будетъ.

А лукавый и сталъ мучить Филиппа: молчитъ все да думу думаетъ; что ближе подходятъ, то страшнѣе ему домой показаться, а и пуще вмѣстѣ съ Андреемъ, который несетъ домой бумажникъ. Вотъ и сталъ онъ приставать

къ нему: подѣлись, говоритъ, дай взаймы половину—я отдамъ!

— Дурака ты нашелъ, говоритъ ему Андрей:—чтобъ я тебѣ трудовыя денежки свои взаймы отдалъ. Тутъ плясовыхъ да бражныхъ нѣтъ ни копѣйки, все трудовыя да потовыя. Братъ-не-братъ, говорится, а въ мой горохъ не лѣзь: что у тебя руки, то и у меня, всякъ на себя работалъ. У меня тоже отецъ дома и семья.

Прошли они еще сутки трои либо четверы вмѣстѣ, подошли уже къ самой границѣ своей губерніи и сѣли вмѣстѣ отдыхать подъ эту самую ракиту, поѣли хлѣбца, запили водицей, помолились и уснули. Филиппъ первый проснулся и глядитъ на товарища: спитъ. Оглянулся Филиппъ кругомъ: все пусто, глухо, никого не видно; глянулъ опять на Андрея, у котораго сто рублевъ за пазухой, привсталъ на колѣнце, взглянулъ на себя, будто чего ищетъ; нѣтъ ничего, нечѣмъ и извести бѣднаго Андрея....

Однако, видно, сатана находчивъ: Филиппъ закинулъ Андрею на шею опояску, насѣлъ на него и задушилъ....

— Богъ тебѣ судья, прохрипѣлъ Андрей на отходѣ:—нѣтъ тутъ свидѣтеля, а вотъ ракитовый кустъ этотъ видитъ насъ, и онъ заговоритъ, а злодѣйство твое изобличитъ....

Прошло года два. Андрей пропалъ безвѣсти, и никто на Филиппа не думалъ, никакого оговора на него не было. Филиппъ не вдругъ выказалъ деньги, а тамъ женился и зажилъ домкомъ. Сталъ онъ торговать по мелочамъ, какъ не охотникъ до крестьянскихъ работъ, и люди знали, что тесть у него человѣкъ съ достаткомъ, изъ другой деревни, такъ никто и не дивился, что сталъ Филиппъ разживаться.

Вотъ на праздникахъ у женниныхъ родныхъ, сватовъ и сватьевъ Филиппа, была какая-то погулка. Принарядившись, онъ сѣлъ съ женою на телѣжку и поѣхалъ туда. Дорога, до поворота, была та самая, по которой Филиппъ съ Андреемъ хаживали въ Глуховъ. Увидавъ одинокую ракиту, Филиппъ и вспомнилъ прошлое, бѣдность свою и богатство работящаго Андрея, которое его столько мучило завистью, а теперь, подумалъ онъ, что мнѣ Андрей, а я вотъ мужикъ съ достаткомъ. Подумавъ это, Филиппъ и

поглядѣлъ на ракиту, усмѣхнулся, а тамъ у него и сорвалось съ языка: «что молчишь? говори—не боюсь!»

— Кто молчитъ? Чего не боишься? спросила хозяйка.

— Нѣтъ, ничего. Я такъ, про себя.

Однакожъ, Филиппъ что - то долго не сводилъ глазъ съ ракиты, покуда не проѣхалъ ее, а тамъ опять усмѣхнулся и махнулъ рукой. Хозяйка смѣтила это и пристала къ нему:

— Скажи да скажи, чего ты глядѣлъ на ракиту? Что у тебя тутъ было? Видно-де одной только женѣ и нельзя этого сказывать? Скажи, сдѣлай милость, голубчикъ! Не скажешь, такъ ей-ей всѣмъ людямъ буду говорить про это дѣло, буду стыдить тебя.... Ну, пристала безотвязно, какъ бабы пристаютъ. Либо Филиппъ, на праздникъ ѣдучи, ужъ хмѣленъ былъ; либо не зналъ еще, что не всякую правду велятъ женѣ сказывать, а хозяйка кончила таки тѣмъ, что свое допыталась.

— Молчи, говоритъ, дура, экъ загорѣлось! Андрей - то тутъ, подъ ракитой, дѣло прошлое, я его въ тѣ поры тутъ уходилъ, а онъ послался на нее, на ракиту, что она выдастъ меня. Ну, я теперь, глядя на нее, и разсмѣялся: стоитъ какъ стояла, а ужъ вотъ четвертый годъ пошелъ тому дѣлу.... Да, смотри, молчи!....

Пріѣхали они вмѣстѣ къ женниной роднѣ на пиръ, гуляли весь день, до вечера. Тутъ хозяйка Филиппа, хоть и сама хмѣльная, да еще въ памяти, вспомнила, что пора домой, къ малымъ дѣткамъ; притомъ и хозяинъ ея ужъ крѣпко подгулялъ и нѣсколько разъ принимался буянить, и она, зная его обычай, видѣла, что и его до грѣха надо везти домой. Филиппъ и слышать этого не хочетъ: въ охотку разгулялся. Она пристала къ нему, сперва стала просить, тамъ перебраниваться съ нимъ, а наконецъ подошла и стала тащить его, напустившись бранью, какъ горохомъ. Мужъ не стерпѣлъ такой обиды, что при чужихъ людяхъ жена вздумала имъ такъ помыкать; къ тому жъ, у него въ головѣ дуракъ сидѣлъ: онъ и принялся ее колотить да сволокъ съ головы платокъ и потащилъ ее за космы. Она, вырвавшись отъ него, простоволосая, со злости ужъ и себя не помнила; принялась кричать и браниться и попрекать мужа всѣмъ, что могла насчитать и

припомнить, проговорилась: что-де ты мошенникъ, эдакой, и меня убить хочешь, какъ Андрея, котораго зарылъ подъ ракитой....

Слово не воробей: вылетитъ—не поймаешь. Всѣ люди слышали, что филиппова хозяйка сказала, пошла молва. Пошелъ говоръ на весь міръ: вотъ ихъ потянули къ допросу. Сперва оба, опомнившись, стали зарекаться: знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ; а какъ пошли съ понятыми подъ ракиту, да вырыли кости бѣднаго Андрея, и шляпу и кафтанъ его признали, такъ Филиппу некуда дѣваться стало, хоть объ стѣну головой. Филиппа сослали, а ракита стоитъ, говорятъ, и понынѣ по глуховской дорогѣ, и народъ, проѣзжая мимо, креститси и творитъ молитву за душу Андрея».

ЖЕНА ЯМЩИКА.

Скоро будетъ полночь...
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
И вокругъ дрожащій
Разливая блескъ.

Въ старомъ запунишкѣ,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ,
И, лаская сына,
Кротко говоритъ:

„Ты бы легъ, касатикъ,
Вѣдь ужъ ночь давно;
На-ка вотъ шубенку,
Вишь какъ холодно.“

—„А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь,
И вечоръ все пряла
И теперь не спишь?“—

„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!

„Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.

„Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.

„Дѣло мое бабье,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станетъ
Одѣвать, кормить?“....

—„Полно плакать, мама!“—
Грустно сынъ сказалъ,
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ,

И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой,
И заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.

„Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ.

„Постелю постельку,
А Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

„Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять:
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать.“

И дитя забылось....
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй гудитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца—
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,
Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена;

Какъ ей, умирая,
Говорила мать:

„Тошно сиротою
„Мнѣ тебя кидать!

„Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
„Замужемъ-то жить,
„Трудъ, порой рабочей,
„Въ полѣ выносить?

„И въ кого родилась
„Ты съ такимъ лицомъ?
„Старшія-то сестры
„Кровь вѣдь съ молокомъ;

„И разгульны, правда,
„Нечего сказать,
„Да за то какъ станутъ
„Въ полѣ работать,—

„Хоть жара, хоть вѣтеръ—
„Все равно для нихъ:
„Оттого и замужъ
„Скоро взяли ихъ.

„А тебя за разумъ
„Хвалитъ вся семья,
„Да любить-то... любитъ
„Только мать твоя.

„Все ты сшить умѣешь
„И въ избѣ прибрать,
„Ребятишекъ братьевъ
„Любишь обмывать.

„Да въ быту крестьянскомъ,
„Знаешь ты сама,
„Сила то дороже
„Разума-ума...“

Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ,
Какъ его покойный
Тесть любилъ, старикъ.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
„Ахъ, отецъ!“ проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.

—„Внишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!“
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ.

И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ,

Осѣнивъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

—„Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка,
Слѣду въ полѣ нѣтъ!

Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.“

—„А мой мужъ?“—спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

„Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ,
По душу послалъ.

„На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять.“

Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.

Опустивъ ручонки,
Сынъ ея стоялъ,
Блѣдный и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.

„Вишь какая притча!“
Думалъ такъ мужикъ:
„Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.

„А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить.

—„Полно горевать-то.“
Вслухъ онъ ей сказалъ:
„Стало неча дѣлать:
Богъ, знать, наказалъ!

„Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди возьми ихъ;—
Мнѣ домой пора.

Да!... вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

„Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

—„Вотъ благословенье
„Сыну моему;
„Пусть не забываетъ
„Мать, скажи ему.“—

„А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По смерть твое имя
Бѣдный онъ твердилъ.“

ТРОЙКА.

.... И какой же Русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чортъ побери все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ—и самъ летишь и все летитъ: летятъ версты, летятъ на встрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога невѣсть куда въ пропадающую даль—и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ тройка! птица-тройка! Кто тебя выдумалъ? Знать у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ хваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вонъ она понеслась, понеслась, понеслась, понеслась!... И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ....

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая и необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился; пораженный Божьимъ чудомъ, созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за навѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ кони, кони, что

за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху,— и мчится вся вдохновленная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты, дай отвѣтъ? Не дастъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на земли, и косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

КОРОБЕЙНИКИ.

I.

Эй, Ѳедорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите къ намъ, сударушки,
Выносите пятаки!»
Жены мужнія, молодушки,
Къ коробейникамъ идутъ,
Красны дѣвушки-лебедушки
Новины свои несутъ,
И старушки важеватыя,
Глядь, туда же приплелись.
«Ситцы есть у насъ богатые,
Есть миткаль, кумачъ и плисъ.
Есть у насъ мыла пахучія—
По двѣ гривны за кусокъ,
Есть румяна нелиняючія,—
Молодись за пятачокъ!»
....
Началися толки рьяные,
Посреди села базаръ,
Бабы ходятъ, словно пьяныя,
Другъ у дружки рвутъ товаръ.

II.

—«Эй, вы, купчики-голубчики,
Къ намъ ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утромъ тронулись опять.

Полегоньку подвигаются,
Накопляютъ барыши,
Чѣмъ попало развлекаются
По дорогѣ торгаши.
. . . .
—Вонъ усадьбишка дворянская,
Завернемъ?—«Ты, Ваня, простъ!
Нынче баре деревенскіе
Не живутъ по деревнямъ,
И такія моды женскія
Завелись.... куда ужь намъ!
. . . .
Чортъ побралъ бы моду новую!
А, бывало, въ старину,
Приведутъ меня въ столовую,—
Всѣ товары разверну.
Выйдетъ барыня красивая,
Съ настоящею косой,
Важеватая, учтивая,
Дѣтки выбѣгутъ гурьбой,
Дѣвки горничныя, нянюшки,
Слуги высыплютъ къ дверямъ.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерямъ,
Все сама руками бѣлыми
Отбираетъ, не спѣша,
И беретъ кусками цѣлыми...
Вотъ такъ барыня—душа!
«Что возьмешь за серьги съ бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми—
Заломлю чего хочу...
Навалитъ покупки кучею,
Разочтется,—Богъ съ тобой!...
А то разъ попалъ я къ случаю:
За рѣкой за Костромой,
Именины были званые—
Расходился баринокъ...
Слышу, кличутъ гости пьяные:
«Подходи сюда, дружокъ!»
Подбѣгаю къ нимъ скорехонько:
«Что возьмешь за коробъ весь?»

Усмѣхнулся я легохонько:
—Дорогъ будетъ, ваша честь...
Слово-за-слово, пріятели
Посмѣялись межъ собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за коробъ мой;
Ужь тогда товары вынули,
Да въ дѣвичій хороводъ
Середи двора и кинули:—
«Подбирай, честной народъ!»
Закипѣла свалка знатная...
Вотъ такъ были господа!
Уходилъ домой обратно я
На девятый день тогда.

ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.
Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

МОРОЗЪ, КРАСНЫЙ НОСЪ

Отрывокъ.

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ,—

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
«Пройдетъ—словно солнце освѣтитъ!
«Посмотритъ—рублемъ подаритъ!»

Идутъ они той же дорогой,
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ. Цвѣтетъ

Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

И голодъ, и холодъ выноситъ
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ—то готова копна!

Платокъ у ней на ухо сбился
Того-гляди косы падутъ.
Какой-то парнекъ изловчился
И къ верху подбросилъ ихъ, шутъ!

Тяжелыя русыя косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мѣшаютъ крестьянкѣ взглянуть.

Она отвела ихъ руками,
На парня сердито глядитъ.
Лицо величаво, какъ въ рамѣ,
Смущеньемъ и гнѣвомъ горитъ...

По буднямъ не любитъ бездѣлья.
За то вамъ ее не узнать,
Какъ сгонитъ улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни и пляски такой
За деньги не купишь.—«Утѣха»!
Твердятъ мужики межъ собой,

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ—не сробѣетъ,—спасетъ:

Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяныя губы
Хранятъ ихъ красу отъ людей—

Она улыбается рѣдко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалокъ ей нищій убогой—
Вольно жъ безъ работы гулять!
Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,
И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждѣ,

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣдни
Предъ всею семьей впереди,
Сидитъ какъ на стулѣ двулѣтній
Ребенокъ у ней на груди,

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведетъ...
И по сердцу эта картина
Всѣмъ любящимъ русскій народъ!

КОЛЬЦОВЪ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ, въ 1809 году, октября 2-го. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ небогатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопленные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ,— и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты, производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни.

На десятомъ году Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился, его отдали въ Воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ: такъкакъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его и заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Что онъ не много вынесъ изъ училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ,—это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ весьма неправильно.

Не смотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его умственной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца на игрушки деньги, онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и Бова Королевичь съ Еруcланомъ Лазаревичемъ составляли его любимѣйшсе чтеніе. Десятилѣтній Кольцовъ взятъ былъ изъ училища отцемъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіи всего лѣта, бродилъ скотъ; а зимою, посылалъ его съ прикащиками на базары для закупки и продажи товара. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей на этой степи— онъ тѣмъ лучше понялъ и оцѣнилъ степь, и полюбилъ ее

страстно и восторженно, полюбилъ ее, какъ друга. Онъ писалъ о степи:

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ—травой
Разстилается!
Ахъ, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!

Читая эти стихи, невольно вспомнишь, что ихъ авторъ—сынъ степи, что степь воспитала его и взлелѣяла. И потому ремесло прасола не только не было ему непріятно, но еще и нравилось ему: познакомило его съ степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій, очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитою войлока, или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи, въ ясные дни и жаркіе дни весны и лѣта, вознагдаждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь съ степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Любящая натура его рано открылась для дружбы. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ, ровестникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ ихъ была сильна... У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ на домъ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами, и чте-

ніемъ съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время, ему суждено было въ первый разъ узнать несчастіе: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горесть Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ еще слишкомъ молодъ. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля, ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ, и въ городѣ, и въ степи. До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ нечаянно покупаетъ онъ на рынкѣ, за сходную цѣну, сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки бѣжитъ онъ съ нею въ садъ, и начинаетъ пѣть стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ риѳмами; но у него не было ни матеріала для содержанія, ни умѣнія для формы. Однакожъ, матеріалъ вскорѣ ему представился, и онъ по своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ.

Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторившійся три ночи сряду. Въ молодыя лѣта, всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ ссйчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о томъ, какъ слагаются стихи, выбралъ одну пьесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная пьеса, подъ названіемъ: «Три Видѣнія», которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ, однакожъ онъ на всегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него, онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи и писать

свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже не охотно читалъ прозу, и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ какъ въ Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которыя иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ; но вотъ горе: ему не кому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоваться на ихъ счетъ, а между тѣмъ, совѣтникъ ему былъ необходимъ,—и онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, и принесъ ему «Три Видѣнія» и другія свои пьесы. Книгопродавецъ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хоть онъ и не можетъ ему объяснить, почему именно; но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: «Русская Просодія, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона.» Видно какой-то инстиктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ передъ собою человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и видно, его тронуло страстное юношеское стремленіе Кольцова къ стихотворству: онъ подарилъ ему «Русскую Просодію» и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего и говорить о радости Кольцова: онъ пріобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ таинства и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая библіотека! Это было для него счастіемъ, блаженствомъ! Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожиралъ чтеніемъ и хорошее и дурное.

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодаго человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ людей. Это былъ Станкевичъ, сынъ

воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ Московскомъ университетѣ и пріѣзжавшій на каникулы въ свою деревню , а оттуда иногда и въ Воронежъ. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 году, Кольцовъ, по дѣламъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву и, черезъ Станкевича, пріобрѣлъ тамъ нѣсколько новыхъ знакомствъ , въ послѣдствіи довольно важныхъ для него. Въ это время два или три стихотворенія его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ московскомъ повременномъ изданіи. Для Кольцова , еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ , это было лестно и пріятно. Въ послѣдствіи, Станкевичъ предложилъ ему на свой счетъ издать его стихотворенія. Это намѣреніе было выполнено въ 1835 году. Изъ довольно увѣсистой и толстой тетради Станкевичъ выбралъ 18 стихотвореній, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность.

ДОЛЯ БѢДНЯКА.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная—
Не разымчива !

Рѣчи вольныя—
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души ль, порой,
Радость вырвется—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится ;
Грустью черною,
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь
Улыбаючись ;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую !

ПѢСНЯ.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова—
Мужа старова ?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія !

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье—бытье
Горемычное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску!

Поздно, ро́дные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется:

Не рости травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ,
Сѣли званые.
На столяхъ, куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.
Бахрамой, кисеёй
Принаряжена,
Молодая жена
Чернобровая,
Обходила подругъ
Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькова.
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ,
Родныхъ подчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ:
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уро́дитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются

От вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Переклинулись;

Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ,
Отъ воротъ поворотъ
Видѣнъ по снѣгу.

НОГА.

Карасубазарскій драгунскій полкъ тянулся, спѣшившись, по гладкой, убитой дорогѣ, пролегавшей безконечной для глазъ лентой по необозримой степи, будто выровненной напроглядъ: здѣсь лучи зрѣнія, какъ на открытомъ морѣ, скользили по той земной чертѣ, которая отдѣляла видимую часть земли отъ невидимой, и человѣкъ стоялъ въ средоточіи этого кабалистическаго круга. Кромѣ желтой, блеклой травы и сѣдоволосаго, волнистаго ковыла, по которому пробѣгала порою рябь отъ налетнаго вихря, глазъ не встрѣчалъ ничего, до самого небосклона, гдѣ взоръ тонулъ въ безпредѣльности. Одинъ только, и то безспорно насыпной, курганъ возвышался влѣвѣ, подъ именемъ Гаркушиной могилы, хотя Гаркуша столько же виноватъ былъ въ томъ, что тутъ былъ курганъ, какъ и мы съ вами. Въ головѣ полка шелъ полковникъ, крѣпко чѣмъ-то озабоченный. Онъ крутилъ усы свои съ такимъ жаромъ, что перекрученный волосъ осыпался. Тощій желудокъ его въ сухопаромъ тѣлѣ отзывался на каждомъ шагу, какъ случается иногда у рысака послѣ водопоя, когда, по мнѣнію народному, у него бьется селезенка. За полковникомъ шелъ полковой адъютантъ, тамъ музыканты, тамъ командиры дивизіонные и лейбъ-эскадрона; по лѣвую сторону полка офицеры, попарно и по три, вели коней своихъ въ поводу и разговаривали; за послѣднимъ взводомъ катился на двухъ колесахъ казенный ящикъ подъ охраною коннаго часоваго, съ обнаженною саблей; тамъ тянулась аптека, кузница, канцелярская фура, лазаретъ, наконецъ деньщики со вьюками, съ повозками, брыченки съ бабами и съ дѣтьми, — словомъ, вся нестроевая, или западная

сила; а въ заключеніе дежурный по полку офицеръ съ карауломъ, для присмотра за хвостомъ, за отсталыми.

— А что, который часъ, спросилъ одинъ изъ офицеровъ своего товарища;—должно быть шестой есть, прибавилъ онъ же, взглянувъ на солнце.— Шестого половина, отвѣчалъ тотъ:—вечернимъ холодкомъ вступимъ въ Сивый-Кутъ; должно быть недалеко; полкъ, слышно, станетъ на тѣсныя квартиры и останется на нѣсколько дней въ сборѣ? А, и ты тутъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ человѣку въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ бѣлыми пуговицами и въ фуражкѣ:—дай-ка, братъ докторъ, огня, хоть затянуться съ радости, не то съ горя.... Вишь какой исправный! разъ ударилъ, и шипитъ ужъ на кремнѣ; а мы, горемычные, развѣ самъ-семъ соберемся, такъ сгоношимся кой-какъ: у кого огниво, у кого трутъ, у кого кремень.... и началъ сосать коротенькую трубчонку, поправляя пальцемъ огонекъ.

— А нѣтъ ли у кого, чего-нибудь путнаго въ кабурѣ? спросилъ одинъ. — Не мѣшало бы, замѣтилъ другой и взглянулъ на доктора; этотъ оглянулся, махнулъ рукой, и отъ лазаретной фуры отдѣлился костоправъ, подбѣжалъ и подалъ плоскую молдавскую баклажку. Не дождавъ серебряной чарки, которая принадлежала одному изъ молоденькихъ офицеровъ, возилась въ бархатномъ чехлѣ, вышитомъ бисеромъ, и славилась въ полку тѣмъ, что никогда не поспѣвала во-время, капитанъ принялъ баклажку въ обѣ руки и, проговоривъ: посторонись, душа, залью! приставилъ рыльце къ губамъ и пропустилъ глотокъ въ мѣрную чарку. За тѣмъ онъ поспѣшно принялъ команду полковника: садись! и всѣ заняли свои мѣста. Бросивъ взоры впередъ, друзья наши увидѣли небольшую колокольню, скоро показались соломенныя кровельки, а тамъ и бѣлыя хатки и садъ около барской усадьбы. Квартирьеры встрѣтили полкъ за селомъ, и каждый принялъ свою часть. Пѣсенниковъ вызвали впередъ: пятьдесятъ звонкихъ голосовъ, во всякое время готовыхъ радоваться и веселиться, грянули дружно волузяхъ — и полкъ тянулся уже по улицамъ Сиваго-Кута.

Но веселая пѣсня драгуновъ, съ рѣзкимъ и дикимъ присвистомъ, была въ разладицѣ съ воплями нѣсколькихъ

голосовъ на селѣ и съ чувствами унынія и состраданія, господствовавшими въ толпѣ народа, сбившейся въ кучу на базарной площади Сиваго-Кута, черезъ которую полкъ переходилъ долонью. Всѣ жители, старъ и малъ, тѣснились тутъ вкругъ небольшихъ лѣсовъ, или козелъ: нѣкоторые влѣзали на козлы эти, другіе взбирались на бугоръ свѣжей, глинистой земли, и передніе наклонялись, пристально глядѣли въ землю и иногда ложились ничкомъ и присматривались или прислушивались. Даже проходящій мимо полкъ мало привлекалъ вниманіе этой озабоченной толпы, которая явнымъ образомъ бездѣйствовала, но была чѣмъ-то сильно занята. Стоны, жалобы, вздохи, толки и совѣты сливались въ невнятный гулъ.

Многіе изъ офицеровъ, по участію и любопытству, успѣли мимоходомъ узнать, что тутъ случилось несчастье; но докторъ, который понялъ это и безъ распросовъ, освѣдомился пообстоятельнѣе, въ чемъ дѣло, и, догнавъ полкъ, ѣхалъ въ какомъ-то раздумьи, между тѣмъ какъ глаза его горѣли. Когда только полкъ разведенъ былъ по квартирамъ, то многіе изъ офицеровъ поспѣшили на площадь и, вмѣшавшись въ толпу, протѣснились до самой ея средины. Народъ разступался, снимая шапки; сотскіе и десятскіе, съ посохами въ рукахъ, и еще два русскіе мужика, рѣзко отличавшіеся бородами своими и красными рубахами отъ остальной толпы, стояли здѣсь на самомъ краю темной и глубокой ямы, въ которую былъ опущенъ колодезный срубъ; съ отчаянными ужимками указывали они въ колодезь этотъ, который былъ еще въ работѣ, разсказывали со страхомъ что случилось, пожимали плечами и крестились. Докторъ явился тутъ же, поставилъ одну ногу на край сруба и, облокотившись на колѣно, разспрашивалъ русскихъ работниковъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого случая, потомъ вдругъ сбросилъ съ себя сюртукъ, взялъ въ руки каганецъ—сальную плошку—сѣлъ на грязный, облѣпленный мокрою глиной деревянный крестъ, который висѣлъ на веревкѣ надъ самымъ срубомъ—катокъ заскрипѣлъ и докторъ погрузился въ колодезь. Зрители сбились еще тѣснѣе въ кучу, такъ-что съ трудомъ можно было удержаться на ногахъ отъ напора; офицеры вынуждены были взяться за полицейскія распоряженія и потомъ,

когда все стихло, въ какомъ то ожиданіи, наклонившись надъ срубомъ, глядѣли туда и прислушивались. Изъ глубины двадцати саженъ раздавался какой - то невнятный говоръ, походившій болѣе на протяжный стонъ, а потомъ опять все умолкало. Наконецъ снизу тряхнули веревку, катокъ опять заскрипѣлъ и вскорѣ докторъ показался изъ-подъ земли, сидя на томъ же грязномъ крестѣ. «Иного средства нѣтъ, сказалъ онъ товарищамъ своимъ. Времени терять нельзя: каждая минута можетъ похоронить его за-живо».

Читатели конечно уже догадались, въ чемъ тутъ было дѣло. Трое смоленскихъ мужиковъ взялись вырыть въ Сивомъ-Куту колодезь, который, какъ уже видѣли, былъ очень глубокъ, потому что въ южныхъ сухихъ степяхъ нашихъ вода дается не-легко. Лѣсъ въ тѣхъ мѣстахъ очень дорогъ: понадѣявшись вѣроятно на вязкость глинистой толщи, копальщики мои, съ авосемъ и небосемъ на умѣ и языкѣ, взяли на срубъ самыя плохія и можетъ быть дряблыя плахи; на глубинѣ двадцати саженъ, гдѣ вѣроятно уже показались ключи, внезапно съ одного боку сруба случился обвалъ земли, который проломилъ натискомъ своимъ нѣсколько вѣнцовъ, вогналъ бревешки концами въ пустоту колодезя и зажалъ одну ногу несчастнаго работника, который въ это время наливалъ черпакомъ опущенную туда бадью. Высвободить ноги не было никакой возможности: сколько народу ни спускалось въ колодезь, сколько ни думали, ни гадали, а придумать было нечего. Всякой видѣлъ, что если только перерубить концы бревешекъ, упершихся въ противную стѣнку и зажавшихъ ногу работника, то за тѣмъ неминуемо долженъ послѣдовать новый обвалъ; дорыться сверху до такой глубины во-время не было никакой возможности; а между тѣмъ несчастному, вопреки извѣстной пословицы, въ каждое мгновеніе грозило семь смертей: новый обвалъ могъ его окончательно засыпать; вода, которую теперь, по тѣснотѣ, невозможно было вычерпывать, постепенно прибывала и подтопляла его и по расчету работниковъ должна была за-ночь залить его вовсе; помертвѣніе ущемленной ноги и смерть отъ распространенія антонова огня, смерть голодная,—словомъ, всѣ роды смертей предстояли несчастному,

а спасенія никакого. Самъ онъ, въ страшныхъ мукахъ отчаянья, конечно придумалъ лучшее, но некому было этого исполнить: онъ просилъ и молилъ, чтобы ему отрубили ногу.... вмѣсто того ему подали, по общему совѣщанію, топоръ, уговаривая перерубить, помолившись напередъ Богу, три вѣнца сруба, которые ему зажали ногу; а между тѣмъ тотъ, кто подалъ ему топоръ, поспѣшилъ отъ видимой гибели подняться на вольный свѣтъ; но бѣднякъ находился въ такомъ положеніи, что не могъ даже достать рукой до роковыхъ бревенъ, и отъ страданій ослабѣлъ такъ, что у него впрочемъ и недостало бы силъ для дѣйствія топоромъ. Онъ нѣсколько разъ намахивался топоромъ на ногу свою, но наконецъ въ отчаянномъ изнеможеніи бросилъ его въ глубину, разсудивъ, что въ одинъ ударъ не сможетъ перерубить ногу на-прочь и только ранитъ себя безъ всякой пользы. Бѣднякъ сидѣлъ, ровно въ капканѣ, обреченный медленной и мучительной смерти, когда карасубазарцы наши веселыми пѣснями своими огласили Сивый-Кутъ изъ конца въ конецъ. Никто не думалъ тогда, чтобы веселые клики эти, безъ сомнѣнія огласившіе также слухъ подземнаго заключенника, были предвѣстниками скораго его избавленія.

Костоправъ былъ уже тутъ, въ ожиданіи приказанія доктора, и принесъ все, что было велѣно: полковой ящикъ; лекарскій наборъ, губку, повязки и пару свѣчей. Взявъ съ собою только самые необходимые два или три инструмента, докторъ съ костоправомъ сѣли, благословясь, на крестъ, и исчезли. Минутъ десять длилось всеобщее молчаніе, при томительномъ ожиданіи и страхѣ. Вся толпа стояла безъ шапокъ, и многіе, едва переводя духъ, едва двигая рукою, крестились. Офицеры легли надъ срубомъ и не спускали глазъ съ отдаленнаго огонька. Кто-то изъ нихъ сказалъ, что опасается одного: докторъ нѣсколько сомнѣвался въ успѣхѣ, то есть въ возможности сдѣлать операцію, по непомѣрной тѣснотѣ; вдавленные вѣнцы загромоздили и безъ того узкій срубъ, а ногу прижало такимъ образомъ, что едва-ли можно будетъ обнести вокругъ нея руку съ ножомъ. Все это было пересказано шопотомъ, хотя не было никакой причины не говорить въ слухъ: никто не отвѣчалъ, одинъ слегка пожалъ плечами, а другой

вынулъ часы и, уставивъ на нихъ глаза, наблюдалъ движеніе стрѣлки и мысленно считалъ секунды. Изъ глубины колодца, откуда прежде по временамъ раздавался стонъ, теперь, напротивъ, во все это время не было слышно ни одного вздоха.

Наконецъ тряхнули веревку—толпа закачалась на ногахъ и всѣ молча взглянули другъ на друга, а потомъ уставили глаза неподвижно на жерло колодца. Протяжно заскрипѣлъ катокъ, и смышленные два мужика, покрикивая другъ на друга въ полголоса: тише, мотри, тише! налегли на воротъ. Многіе изъ толпы бросились было на помощь, но ихъ отогнали. Не скоро конечно веревка безъ малаго въ двадцать саженъ навьется на жердь, и всего-то въ ляшку толщины, — потому-что толще этого лѣсу негдѣ было взять здѣсь, — но на этотъ разъ зрителямъ казалось, что у веревки этой вовсе нѣтъ конца. Офицеры, въ недоумѣніи и нетерпѣніи, поглядывали на воротъ, то на катокъ, то въ черную хлябь колодца; огонекъ не приближался, потому-что оставленъ былъ на глубинѣ съ костоправомъ, но вдругъ показался изъ колодца всѣмъ знакомый узелъ, гдѣ захлеснутъ былъ махровый конецъ веревки, и вслѣдъ за тѣмъ крестъ, на которомъ сидѣли два человѣка, оба въ крови, но одинъ обнялъ и держалъ другого; обхвативъ также и веревку и растопыривъ ноги во всю ширину сруба, онъ управлялъ ими и удерживалъ экипажъ свой въ возможномъ равновѣсіи. Одинъ изъ людей этихъ былъ докторъ, другой же несчастный работникъ, у котораго нога была отнята выше колѣна и на-скорую-руку наложена повязка. Онъ смотрѣлъ еще глазами, когда вышелъ на вольный свѣтъ, но у него тутъ же захватило духъ, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, покачнулся, такъ-что докторъ его съ трудомъ удержалъ, и глаза его закатились. Люди подскочили на помощь и подняли его осторожно съ сидѣнья. Громкое, единодушное ура, которое конечно не было напередъ протвержено, встрѣтило страдальца и его спасителя. На перерывъ одинъ передъ другимъ, мужики просили положить безногаго къ нимъ въ избу, а бабы хватали офицеровъ за полы, добиваясь той же чести почти съ земными поклонами. На доктора сыпались благословенія со всѣхъ сторонъ. Больнаго

положили на крестьянскую свитку, и офицеры унесли его съ торжествомъ въ ближайшую хату.

Теперь только наконецъ кто то спохватился бѣднаго костоправа, о которомъ было и думать позабыли и который зѣвалъ, какъ говорятъ у насъ, то есть, кричалъ во всю глотку въ темномъ острогѣ своемъ, но кричалъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: изъ глубины колодца раздаются отчаянныя завыванія, а между тѣмъ никто и ухомъ не ведетъ: не до того было. И такъ, подняли и забытаго костоправа, котораго любимымъ разсказомъ впослѣдствіи осталось навсегда, какъ его позабыли было въ колодцѣ, гдѣ обвалъ угрожалъ ему съ минуты на минуту вѣрною смертію, и какъ страхъ овладѣлъ уже бѣднякомъ до того, что онъ горько плакалъ и почиталъ себя заживо погребеннымъ.

Мужикъ выздоровѣлъ и пошелъ съ одною ногою своею въ пильщики, честно заработывая хлѣбъ свой и не скучая день-за-день отшучиваться отъ вопроса товарищей, для чего онъ не идетъ въ верхніе пильщики, то есть никогда не становится на бревно, а берется всегда только за нижній конецъ пилы? Отвѣтъ его на это былъ обыкновенно: «а вишь, подпорка въ лещедкѣ засѣла»,—и дружный хохотъ встрѣчалъ эту знакомую остроту, которая впрочемъ не менѣе того черезъ полчаса вызывалась снова, опять тѣмъ же замысловатымъ вопросомъ.

МАСЛЕНИЦА НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ,
Изъ серебряной парчи!
На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи...
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица,
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца....
Здравствуй, русская молодка,

Раскрасавица—душа,
Бѣлоснѣжная лебедка,
Здравствуй, матушка зима!
Изъ-за льдистаго Урала
Какъ сюда ты невзначай,
Какъ, родная, ты попала
Въ басурманскій этотъ край?
Здѣсь ты, сирая, не дома,
Здѣсь тебѣ не-понутру,
Нѣтъ приличнаго пріема,
И народъ не на-юру....
Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
Какъ задать здѣсь пиръ горой?—
Не съумѣть имъ, Нѣмцамъ этимъ,
Поздороваться съ тобой.
Не напрасно дѣдовъ слово
Затвердилъ народный умъ:
«Что для Русскаго здорово,
«То для Нѣмца карачунъ!»
Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
Съ снѣгомъ—батюшка-морозъ,
Нашъ природный, нашъ дешовый
Пароходъ и паровозъ....
Ты у насъ краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Скоро масленицы бойкой
Закипитъ широкій пиръ,
И блинами и настойкой
Закутитъ крещеный миръ...
Въ честь тебѣ и ей Россія,
Православныхъ предковъ дочь,
Строитъ горы ледяныя,
И гуляетъ день и ночь.

Игры, братскія попойки,
Настежъ двери и сердца,
Пляшутъ бѣшеныя тройки,
Снѣгъ топоча у крыльца.
Вотъ взвились и полетѣли,
Что твой соколъ въ небесахъ!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжалъ въ рукахъ;
Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
Такъ и смотритъ молодцомъ;
Погоняетъ закадычныхъ
Свистомъ, ласковымъ словцомъ.
Мать дородная въ шубейкѣ,
Важно въ розвальняхъ сидитъ,
Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ,
Словно маковъ цвѣтъ горитъ.
Яркой пылью иней сыплетъ,
И одежду серебритъ....
А морозъ, лаская, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ.
И бѣлѣе, и румянѣй
Дѣва блещетъ красотой,
Какъ алѣетъ на полянѣ
Снѣгъ подъ утренней зарей.
Мчится вихремъ безъ помѣхи
По полямъ и по рѣкамъ,
Звонко щелкаетъ орѣхи
На веселіе зубкамъ.
Пряникъ, мой однофамилецъ,
Также тутъ не позабытъ
А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,
Сердце любо веселитъ.
Разгулялись городъ, села,
Загуляли старъ и малъ:
Всѣмъ зима родная гостья,
Каждый масленицѣ радъ.

Нѣтъ конца весельямъ, кликамъ,
Пѣснямъ, удали, пирамъ.—
Гдѣ тутъ Нѣмцамъ—горемыкамъ
Вторить намъ, богатырямъ?
Сани здѣсь—подобной дряни
Не видалъ я на вѣку,
Стыдно сѣсть въ чужія сани
Коренному Русаку.
Нѣтъ, красавица, не мѣсто
Здѣсь тебѣ, не обиходъ:
Снѣгъ здѣсь—рыхленькое тѣсто,
Вялъ морозъ и вялъ народъ....
Чѣмъ почтутъ тебя, сударку?—
Развѣ кружкою пивной,
Да копѣечной сигаркой
Да копченой колбасой?
Съ пива только кровь густѣетъ,
Умъ раскиснетъ и лицо;—
То-ли дѣло какъ прогрѣетъ
Наше рьяное винцо.
Выпьетъ чарку-чародѣйку
Забубенный нашъ землякъ:—
Жизнь копѣйка! смерть злодѣйку
Онъ считаетъ за пустякъ....

Нѣмецъ къ мудрецамъ причисленъ,
Нѣмецъ дока для всего,
Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
Что провалишься въ него;
Но, по нашему покрою
Если Нѣмца взять въ расплохъ,
А особенно зимою,—
Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

СТАРОСВѢТСКІЕ ПОМѢЩИКИ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень, и лишенное щекатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и тѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами, возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара, отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него,—все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть,

можетъ быть отъ того, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ-бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкачивали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто-бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки, и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе на встрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь, иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно, мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ комлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Иванована была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ

лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку уже черезъ чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно-бы укралъ ихъ. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу «ты», но всегда «вы»: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?»—«Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я».

Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержался съ такою опрятностію, съ какою вѣрно не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтія прежде, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ было поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могъ сказать, отъ чего онѣ пѣли: перержавѣвшія-ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь ведущая въ столовую, храпѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: батюшки, я зябну! Я знаю, что многимъ очень не нравится сей звукъ, но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ, майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно на столъ, уставленный приборами,—соловьемъ,

обдающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами, страхомъ и шорохомъ вѣтвей.... и, Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехъ-угольные столики по угламъ, четырехъ-угольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, коверъ передъ диваномъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ—вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ. «А что, Пульхерія Ивановна»—говорилъ онъ:—«если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?»—«Вотъ это Боже сохрани», говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.—«Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?»—«Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ? какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть: Богъ этого не попуститъ.»—«Ну, а если бы сгорѣлъ?»—«Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимаетъ ключница.»—«А если бы и кухня сгорѣла?»—«Вотъ пусть Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда бы въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.»—А если бы и кладовая сгорѣла?»—Богъ знаетъ, что вы говорите! я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.» Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что пошутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались уго-

стить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой притворности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ я соглашался на ихъ просьбы. Они были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ того же дня: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать. «Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!» всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ нихъ верстахъ). «Конечно», говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, «неравно всякаго случая; нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.»—«Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!» говорила Пульхерія Ивановна. «И къ чему разсказывать этакое на ночь. Разбойники не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать.»

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но впрочемъ вечеръ въ низенькой теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бываетъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ съ всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что Французъ тайно согласился съ Англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: «Я самъ думаю пойти на войну; почему-жъ я не могу идти на войну?»—«Вотъ ужъ и пошелъ!» прерывала Пульхерія Ивановна. «Вы не вѣрьте ему,» говорила она, обращаясь къ гостю. «Гдѣ уже ему старому идти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ!

Ей Богу застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.» — «Что-жъ,» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «и я его застрѣлю.» — «Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ!» подхватывала Пульхерія Ивановна: «Куда ему идти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ каморкѣ. Еслибъ вы ихъ видѣли: такъ-такіе, что прежде еще нежели выстрѣлить, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ и лице искалѣчитъ и на вѣки несчастнымъ останется!»—«Что-жъ,» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «Я куплю новое вооруженіе. Я возьму саблю или казацкую пику.‘‘—,,Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову и начнетъ разсказывать,‘‘ подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. ,,Я и знаю, что онъ шутитъ, но все-таки непріятно слушать. Вотъ эдакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, да и страшно станетъ.‘‘ Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напуталъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска....

Ни огня, ни черной хаты....
Глушь и снѣгъ.... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Очеркъ Москвы во второй половинѣ XVII вѣка. Какой видъ представляло Московское государство въ XVII вѣкѣ? Югозападная Русь.

Много въ Россіи городовъ, которые древнѣе Москвы, но нѣтъ ни одного, который бы такъ долго и такъ крѣпко былъ связанъ со всѣми свѣтлыми и темными днями русскаго народа. Съ XIV вѣка она уже дѣлается средоточіемъ и государственной силы, и православной святыни. Съ которой бы стороны не подходилъ или не подъѣзжалъ къ ней русскій человѣкъ — завидѣвъ маковки ея церквей, онъ снималъ шапку и набожно совершалъ крестное знаменіе. *Святая, бѣлокаменная и златоглавая,* были названія, которыя народъ издавна придавалъ древней своей столицѣ. Онъ могъ бы прибавить еще: *живописная,* потому что въ самомъ дѣлѣ мало городовъ, которые представляли бы болѣе прекрасное зрѣлище, какъ Москва съ Поклонной горы, съ Воробьевыхъ высотъ или съ вершины кремлевскаго холма.

Это былъ чрезвычайно обширный, особенно по тогдашнимъ понятіямъ, городъ, разбросанный по холмамъ и ложбинамъ, вдоль извилинъ Москвы-рѣки и впадающихъ въ нее, Яузы и Неглинной. Изящною постройкою онъ впрочемъ не отличался и, за исключеніемъ нѣсколькихъ строеній въ Кремлѣ, да большой части разсѣянныхъ по городу церквей,— весь онъ былъ деревянный; бревенчатые дома, которые по теперешнимъ понятіямъ можно бы назвать избами, съ высокими гонтовыми либо соломенными крышами, то тѣсно жались одинъ къ другому вдоль кривыхъ, узкихъ улицъ и неправильныхъ площадей, то оставляли голые пустыри и болотины, на которыхъ спокойно пощипывали траву городскія коровы, или полоскались домашнія птицы. Мѣстами широко раскидывались, точно отдѣльныя усадьбы,—хоромы какого нибудь знатнаго боярина или князя,

со множествомъ службъ, хозяйственныхъ построекъ, съ садами и огородами; другія села и усадьбы примыкали къ городу, окружая его зеленою лентою своихъ садовъ, нѣкоторыя изъ этихъ селъ въ послѣдствіи вошли въ черту города, какъ-то: Сущево, Хомовники и др.

Но (если смотрѣть на Москву съ одной изъ сосѣднихъ высотъ), посреди этого муравейника домовъ, глазъ останавливался на группѣ каменныхъ, бѣлыхъ церквей, стройныхъ колоколенъ, золоченныхъ куполовъ, которая красовалась на высокомъ холмѣ при одной изъ крутыхъ извилинъ Москвы-рѣки: это былъ Кремль. Здѣсь были эти старинные соборы, гдѣ совершалось вѣнчаніе на царство государей нашихъ, гдѣ стояли ихъ гробницы, гдѣ совершалъ богослуженіе патріархъ, — глава греко-россійской церкви, гдѣ лежали мощи святыхъ угодниковъ, глубоко чтимыя русскимъ народомъ. Тамъ же находились колокольня Ивана-великаго, Царь-пушка и большой колоколъ*), предметы, которыми наши предки гордились также, какъ древніе Греки своимъ колоссомъ-родосскимъ или дельфійскимъ храмомъ.

Но оставимъ Москву, и посмотримъ, что дѣлалось въ другихъ частяхъ нашего отечества.

Вездѣ просторъ; вездѣ раздолье полей,—мѣстами засѣянныя нивы; но пустырей, луговъ и лѣсовъ гораздо болѣе. Вдоль большихъ дорогъ, разбѣгающихся отъ Москвы въ разныя стороны,—Можайки, Каширки, Владимирови и другихъ, — по берегамъ Москвы - рѣки и Оки разбросаны монастыри, одинокія церкви, деревушки, большія и малыя усадьбы. Многія изъ нихъ существуютъ и теперь; большая часть церквей уцѣлѣли и устояли и до сихъ поръ; но всѣ эти прекрасные дома, эти готическіе замки, эти итальянскія виллы, эти просторные хоромы съ высокими крышами, колоннами и львами на крыльцѣ, которыя мы такъ часто можемъ видѣть въ окрестностяхъ Москвы, эти зеленѣющіе парки, эти темныя аллеи и узорчатые цвѣтники,—все это уже создалось въ ближайшія къ намъ времена. Предки наши, даже богатые и знатные, до половины

*) Нынѣшній большой колоколъ, находящійся возлѣ колокольни Ивана-великаго, отлитъ позже, при Императрицѣ Аннѣ.

прошедшаго вѣка, довольствовались небольшими деревянными хоромами, держась пословицы: „не красна изба углами, а красна пирогами"; въ одномъ изъ царскихъ подмосковныхъ селъ, Измайловскомъ, гдѣ провелъ Петръ часть своего дѣтства, домъ былъ маленькій, деревянный, одно-этажный, и отъ времени почти вросшій въ землю. Садами тоже наши предки не занимались; разводить цвѣты началъ только царь Ѳеодоръ, а за нимъ, разумѣется, и нѣкоторые изъ его придворныхъ. Не заботясь о томъ, чтобъ украшать жизнь, русскіе XVII вѣка сажали только фруктовыя деревья, да разводили огороды: понятіе о садѣ и огородѣ сливалось въ понятіяхъ нашихъ предковъ, такъ что для того и другаго понятія существовало одно только названіе — огородъ.

Такимъ образомъ старинная господская усадьба представляла слѣдующій видъ: небольшой бревенчатый домъ на возвышенномъ мѣстѣ; если владѣлецъ усадьбы былъ человѣкъ зажиточный, то въ двухъ шагахъ отъ его хоромъ была непремѣнно церковь; кругомъ дома, въ безпорядкѣ, были жилья челядницевъ, клети и клетушки, амбары, конные и скотные дворы, гумна и *огородъ* съ яблонями, грушами, вишнякомъ, малиною, капустою, горохомъ, свеклою и пр.; далѣе избы задворныхъ крестьянъ. Что касается до небогатыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, до дѣтей боярскихъ и мелкихъ дворянъ, то они жили въ бѣдныхъ хуторкахъ, въ домахъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ крестьянскихъ избъ, крытыхъ, также какъ онѣ, соломою и даже едва ли иногда не курныхъ,—такъ по крайней мѣрѣ можно думать по коротенькому извѣстію, сообщаемому однимъ изъ иностранцевъ, посѣтившихъ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Наконецъ, жилья крестьянъ, общій видъ деревни былъ тотъ же самый, какъ и теперь.

Каждая изъ этихъ усадебъ, даже самая незначительная, могла бы, повидимому, доставлять ея владѣльцу безбѣдное существованіе, потому что вездѣ было земли, воды и лѣсу въ изобиліи; да и въ самомъ дѣлѣ, недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни у владѣльцевъ, даже самыхъ небогатыхъ, не было; амбары, даже въ самыхъ маленькихъ имѣніяхъ, были наполнены хлѣбомъ, скотные и птичные

дворы могли доставлять изобильную и разнообразную пищу: лѣса были наполнены дичью; во многихъ мѣстахъ были пасѣки; изъ домашней шерсти ткалось сукно, изъ домашняго льна—холстъ. Но это-то самое обстоятельство,—что почти у всѣхъ было все свое домашнее,—и налагало на всю старинную Русь ту печать мертвенности и неподвижности, которая поражала писавшихъ о ней иностранцевъ.

Человѣку свойственно жить въ обществѣ людей; ему нужно видѣть себѣ подобныхъ, говорить съ ними, обмѣниваться взаимными услугами, совокуплять свои силы, чтобъ достигать общаго благосостоянія. Образованные народы къ этому стремятся, потому что понимаютъ свою пользу, но народы необразованные болѣе всего побуждаются нуждою,—а нашихъ предковъ нужда не побуждала покидать свои усадьбы. И они сидѣли въ нихъ безвыходно, сколько было возможно. Что же отъ этого происходило? То, что у насъ почти никакой промышленности не было, а слѣдовательно не было никакой торговли: всякій старался производитъ лишь столько, сколько было ему нужно для себя и своего семейства, и не думалъ что-нибудь продать или обмѣнять. Отъ этого, въ свою очередь, никто не заботился, чтобъ дороги содержались въ какой нибудь исправности; онѣ были наполнены рытвинами и ухабами; колеса то взяли въ пескѣ, то тонули въ грязи; по самымъ только проѣзжимъ изъ дорогъ топи были вымощены накатникомъ; но эти мостовыя, которыя еще существуютъ кое гдѣ, приводятъ теперь въ ужасъ проѣзжающихъ, принужденныхъ по нимъ трястись; даже рѣки,—эти пути, созданные самою природою,—и при томъ самыя значительныя, каковы Ока и Волга, представляли для сообщенія весьма мало удобствъ: Олеарій, иностранецъ, посѣтившій Россію въ половинѣ XVII вѣка, пишетъ, что судно, на которомъ онъ плылъ по Волгѣ, безпрестанно натыкалось то на мели, то на карчи, или деревья, свалившіяся съ берега въ рѣку. Но все еще плаванье по рѣкамъ считалось самымъ удобнымъ способомъ путешествія; что касается до сухопутныхъ дорогъ, то хотя по нѣкоторымъ изъ нихъ и были *ямы* *)

*) Поселенія людей, занимающихся извозомъ.

и движеніе слѣдовательно могло производиться безостановочно, но за то не существовало никакихъ пріютовъ, въ которыхъ измученный путешественникъ могъ бы дать отдыхъ своимъ разбитымъ бокамъ.

Впрочемъ предки наши были не изнѣженны и безъ особыхъ жалобъ переносили бы неудобство старинныхъ дорогъ; но дороги эти были, сверхъ того, и не безопасны: лѣса Новгородской и Псковской губерній, муромскіе, брянскіе и другіе, пріобрѣли грозную, и доселѣ еще не забытую извѣстность въ этомъ отношеніи; по Волгѣ, начиная съ Казани и до Астрахани, разъѣзжали удальцы и грабили плывшія суда. Одинъ іезуитъ, посѣтившій Россію въ концѣ XVII вѣка, разсказываетъ свое странствованіе отъ Астрахани до Москвы: какихъ бѣдствій онъ не натерпѣлся! Судно, на которомъ онъ плылъ, загорѣлось по неосторожности судовщиковъ; добравшись кой-какъ до берега, онъ едва не былъ захваченъ кочевыми калмыками; потомъ принужденъ былъ странствовать пѣшкомъ по слякоти и морозу, ночуя подъ открытымъ небомъ и питаясь кореньями... Что же, когда въ этихъ пустыняхъ путника застигала мятель?... При такихъ неудобствахъ сообщеній, удивительно ли, что движенія, не вызываемаго при томъ нуждою, почти вовсе не было по нашимъ дорогамъ, сухопутнымъ и рѣчнымъ. Олеарій, плывя отъ Москвы до Нижняго, встрѣтилъ ровно одну барку!

И замѣтимъ, все, что выше говорено, относится къ самой населенной части тогдашней Руси. Что же надо сказать про мѣстности болѣе отдаленныя! Тамъ была почти пустыня: по дорогѣ въ Саратовъ, за Пензою начиналась голая степь не только безъ жилья, но на которой глазъ не находилъ даже дерева. Такая же степь разстилалась вдоль по всему сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря, до нижнихъ частей Дона и Днѣпра, гдѣ бродили дикія орды кочевниковъ, а по другую сторону Волги и Камы до Уральскихъ горъ и Ледовитаго моря стояли непроходимые лѣса, убѣжище дикихъ звѣрей да раскольниковъ. Мы разскажемъ въ своемъ мѣстѣ, по какимъ причинамъ эти послѣдніе уходили въ глухіе лѣса сѣверной Россіи, а теперь обратимся къ нашей западной границѣ.

Во времена тяжелыя для Россіи, во времена ига мон-

гольскаго и страшной неурядицы удѣльныхъ князей, народъ бросалъ свои домы и расходился во всѣ стороны,—и вотъ мрачные лѣса заонежскаго и печерскаго края, берега отдаленнаго Терека, низовья Дона и Днѣпра стали заселяться русскими бѣглецами: тамъ они могли считать себя безопасными и отъ татарскихъ баскаковъ (сборщиковъ податей) и отъ утѣсненія князей. Поселенія, осѣвшія въ лѣсахъ, прилегавшихъ къ Ледовитому морю, не представляютъ никакого особаго интереса, кромѣ впрочемъ, того, что они безъ насилія распространили на дальній сѣверъ русское племя; но судьба выходцевъ, направившихся на югъ и образовавшихъ *казачество,* чрезвычайно интересна: это самая оживленная и, можно сказать, поэтическая страница всероссійской исторіи. Не даромъ о судьбахъ казачества написано такъ много лѣтописей и сохранилось въ народной памяти столько преданій, пѣсенъ и разсказовъ. Люди съ большимъ талантомъ, каковы Гоголь, Шевченко и Костомаровъ, посвящали свои дарованія литературѣ и исторіи украинскаго казачества.

Что за разнообразіе представляетъ русская земля и русскій народъ! Тогда какъ на отдаленномъ сѣверѣ русскія колоніи живутъ посреди угрюмой полярной природы,—другія, на Терекѣ, напримѣръ, почти не знаютъ зимы, воздѣлываютъ виноградъ и шелковицу. Не менѣе разнообразія замѣчается и въ отношеніи быта различныхъ частей русскаго народонаселенія. Въ Москвѣ родилось и широко развилось самодержавіе; въ западной, заднѣпровской Руси образовалась аристократія; Новгородъ, Псковъ и южныя поселенія, гдѣ взросло казачество, и всѣ тѣ мѣста, куда оно бросило отпрыски,—на Дону, на Терекѣ, на Уралѣ, приняли формы республикъ Россія—это цѣлый міръ! И тѣмъ болѣе интересно ея изученіе.

Теперь насъ займетъ казачество и именно малороссійскіе казаки, такъ-какъ въ прошедшей главѣ мы начали-было говорить о нихъ.

Извѣстно, что во время татарскаго владычества нынѣшняя Малороссія, губерніи Кіевская, Волынская и Подольская, а также восточная часть австрійской Галиціи мало-по-малу отдѣлились отъ Руси и перешли въ составъ польско-литовскаго государства. Князья и бояре этихъ странъ

въ теченіе времени приняли католическую вѣру, польскіе нравы и языкъ; но простонародье упорно держалось и своей вѣры и своего языка, за что оно подверглось большимъ притѣсненіямъ со стороны какъ своихъ ополячившихся единоземцевъ, такъ и со стороны польскаго правительства. Туда проникло латинское духовенство, всегда чрезвычайно ревностное къ обращенію иновѣрцевъ, много польскихъ пановъ получило тамъ помѣстья, и тогда положеніе страны сдѣлалось совершенно бѣдственнымъ. Одинъ французъ, Бопланъ, бывшій въ польской службѣ въ половинѣ XVII вѣка (человѣкъ, болѣе расположенный къ Полякамъ, чѣмъ къ Русскимъ) говоритъ, что «паны тамъ жили какъ въ царствѣ небесномъ, а крестьяне какъ въ чистилищѣ». За то, прибавляетъ онъ, и не проходитъ тамъ нѣсколькихъ лѣтъ безъ возмущенія.

Вѣроятно впрочемъ, что эти возмущенія не повторялись бы такъ часто, еслибъ для недовольныхъ крестьянъ или *хлоповъ*, какъ ихъ называли тамъ, не было вблизи безопаснаго и всегда открытаго пріюта въ такъ называемой *Сѣчи Запорожской*. Эта-то Сѣчь и была колыбелью и центромъ Малороссійскаго казачества. Пониже днѣпровскихъ пороговъ, на островкахъ и берегахъ Днѣпра, поросшихъ камышемъ, въ мѣстахъ безлюдныхъ и удаленныхъ отъ всякаго жилья, съ давнихъ лѣтъ жили бѣглецы изъ польской Руси и изъ собственно Московскаго государства, люди убѣгавшіе татарскаго насилія или католическаго притѣсненія, покидавшіе родной кровъ и семейства и уносившіе съ собою только православную вѣру да родной языкъ.

Эта была шайка удальцевъ бездомныхъ, бѣдныхъ, отважныхъ, которая не признавала надъ собою власти ни великихъ князей московскихъ, ни королей польскихъ, ни хановъ татарскихъ, шайка безопасная посреди своихъ степей, которая или отстрѣливалась отъ враговъ, скрываясь въ своихъ родныхъ камышахъ, или разбѣгалась, когда противъ нея шла большая сила, — но разбѣгалась съ тѣмъ, чтобы опять собраться немедленно по удаленіи враговъ, и потомъ съ неслыханною дерзостью сама на нихъ нападала, когда представлялся къ тому благопріятный случай.

Слухъ объ удалой жизни Запорожцевъ скоро распространился по всей польской Руси, и отвсюду къ нимъ стека-

лись новые выходцы. Хлопы, утѣсняемые польскими панами и латинскими монахами, польскіе дворяне, преслѣдуемые кредиторами, Русскіе, даже Татары,—всякій, кто бы ни явился въ *Сѣчь*, то есть мѣсто жительства Запорожцевъ, находилъ тамъ пріютъ и безопасность, лишъ бы онъ былъ или сдѣлался православнымъ, да не боялся при случаѣ положить удалую свою голову. Вся жизнь ихъ состояла изъ отважныхъ набѣговъ, да изъ кутежа на счетъ награбленной добычи. Во время похода не было людей болѣе воздержныхъ; они довольствовались какою нибудь горстью толокна; за то, по возвращеніи въ Сѣчь, вино лилось у нихъ рѣкою, червонцы бросали они пригоршнями, кусокъ парчи давали за ведро горѣлки. На неутомимыхъ своихъ коняхъ они проскакивали страшныя пространства, переплывали широкія рѣки, налетали какъ вихрь и уносились назадъ; пускались въ открытое море на небольшихъ открытыхъ лодкахъ, нападали на военные турецкіе корабли, дѣлали высадки на берега Малой Азіи. Ни законовъ, ни начальства не было между Запорожцами; всѣ были «паны братья» между собою. Изъ среды себя, вольными голосами, они избрали себѣ атамана, называемаго кошевымъ, который долженъ былъ водить ихъ, когда они поднимались «добывать себѣ зипуновъ» у Поляковъ, Татаръ или Турокъ; но постоянной власти этотъ атаманъ не имѣлъ, а его слушались только потому, что ему довѣряли, и только до тѣхъ поръ, пока довѣряли: въ противномъ случаѣ ставили на его мѣсто другаго.

Таково было коренное казачество. Запорожцы были всѣ холосты, или жили въ Сѣчи безъ семействъ своихъ,—какъ нѣкогда Римляне на капитолійскомъ холмѣ. Жилища ихъ были не избы, а огромные сараи, называемые *куренями*, въ которыхъ помѣщалось по нѣсколько сотъ человѣкъ имѣвшимъ общимъ все—столъ, имущество, и гдѣ каждый долженъ повиноваться волѣ всѣхъ. Кромѣ, такихъ куреней въ Сѣчи были церкви, щедро обогащаемыя награбленнымъ золотомъ и серебромъ,—и все это было обнесено рвомъ и валомъ съ башенками.

Независимо отъ казаковъ, живущихъ въ Сѣчи, жили другіе, по обоимъ берегамъ Днѣпра, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской; всѣ они считались

запорожцами и признавали власть кошеваго атамана, хотя были по большей части семейные люди и жили особыми хуторами. Независимо еще и отъ этихъ казаковъ, казачество распространилось впослѣдствіи почти на всю и юго-западную Русь, отошедшую къ Польшѣ. Страны эти были подвержены безпрестаннымъ набѣгамъ Татаръ, и потому Польскіе короли сначала покровительствовали казакамъ, какъ запорожскимъ такъ и вообще малороссійскимъ; эти послѣдніе также, какъ и первые, считались «войскомъ» и управлялись гетманомъ, который выбирался вольными голосами; полковники и вообще «войсковая старшина», была изъ малороссіянъ же, и этотъ гетманъ, эта старшина правили нѣсколькими десятками тысячъ людей воинственныхъ, сильныхъ отважныхъ, гордившихся своею независимостью передъ всѣми жителями польскихъ областей, помнившихъ, что земли, которыя они заселяли, никогда не были завоеваны поляками, а добровольно къ нимъ примкнули, «какъ вольные къ вольнымъ, какъ равные къ равнымъ.» Они съ негодованіемъ видѣли, что ихъ земляки и единовѣрцы, крестьяне польскихъ и ополячившихся русскихъ помѣщиковъ, угнетены, что ихъ родной языкъ, старинные обычаи и прародительская вѣра подвергаются гоненіямъ. Крестьяне въ свою очередь съ любовію и завистью смотрѣли на казаковъ — и между тѣми и другими установилось горячее сочувствіе, которое наконецъ показалось опаснымъ польскому правительству. Оно вздумало отнимать права у казаковъ, уменьшать ихъ число, вводить между ними Унію *) и католичество, отдавать православныя церкви въ аренду евреямъ, которые требовали платы за каждое богослуженіе.

Все это привело къ печальнымъ для Польши послѣдствіямъ: общее неудовольствіе гораздо тѣснѣе прежняго сблизило все православное народонаселеніе польской Руси, — казаковъ и хлоповъ, и однажды оно все, всею своею массою, отъ Стародуба и Изюма до Карпатовъ, возстало противъ Польши. Предводителемъ его въ это время былъ слав-

*) Уніей называлось исповѣданіе, сохранившее обряды православной церкви, но послѣдователи котораго признавали господство папы: это было переходная ступень къ католицизму.

ный Богданъ Хмельницкій, выбранный казаками въ гетманы вопреки польскому правительству. Онъ страшно опустошалъ мѣстности, принадлежавшія королю и панамъ, пожегъ множество костеловъ, погубилъ множество народа и наконецъ ударилъ челомъ Малороссіею русскому Царю.

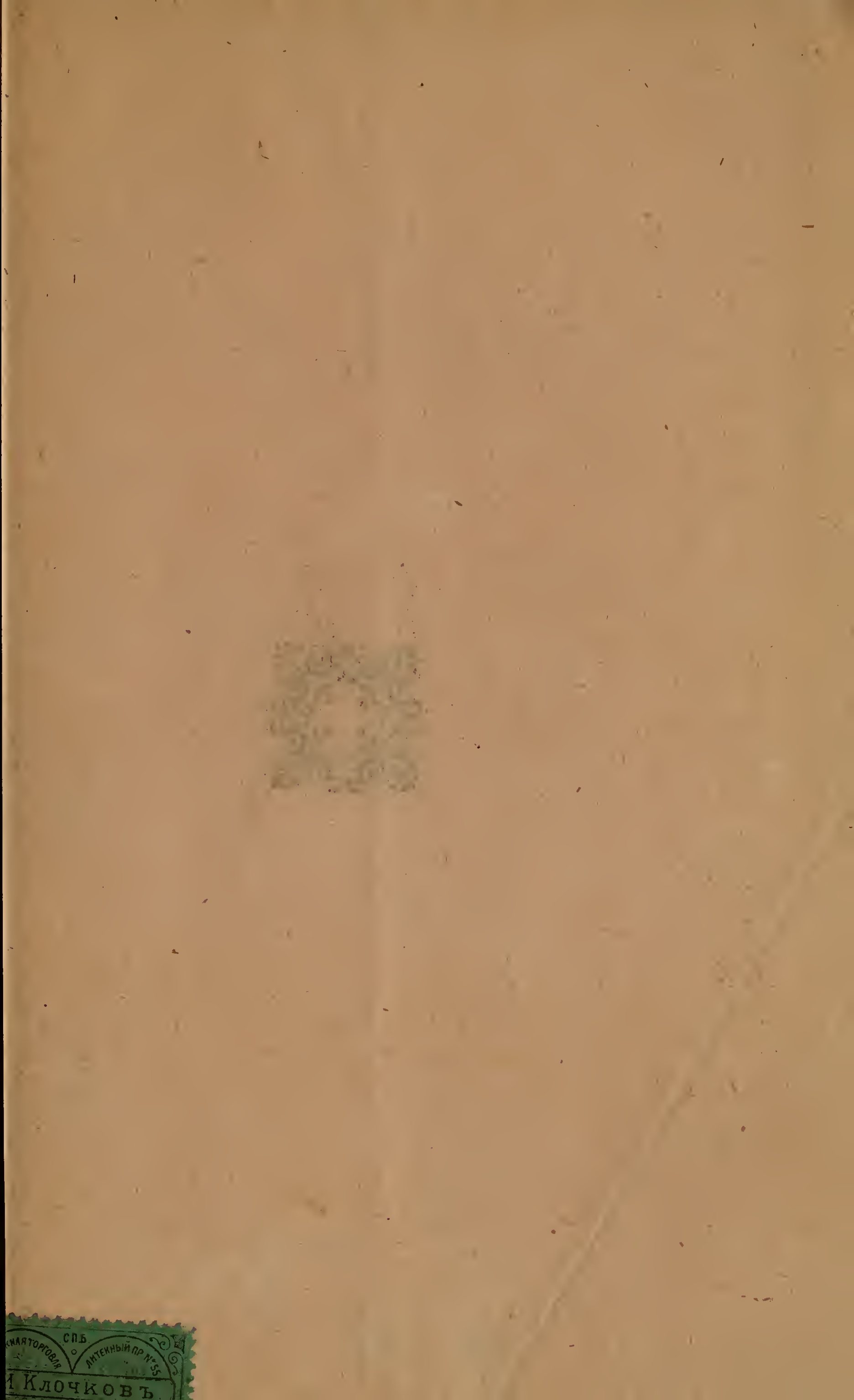
КАРТИНКА.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ,
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ;
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь....
Даже съ печи не слѣзавшій
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что жъ такъ слушаютъ малютку,
Аль ужь такъ она умна?...
Нѣтъ, одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...
Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый сладкій лучъ!
Онъ горитъ ужь на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

ОГЛАВЛЕНІЕ.






THE LIBRARY OF CONGRESS


HECKMAN
BINDERY INC.
NOV 91
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962